

ИННА
БРОДСКАЯ

ПОСЛЕ
Брака
ИСКУПИТЬ ГРЕХИ

Инна Вронская

После Брака. Искупить Грехи

«Автор»

2026

Вронская И.

После Брака. Икупить Грехи / И. Вронская — «Автор», 2026

— Кстати, Анфиса, — Лев отпил воды. — В нашей семье радость, у меня будет еще ребенок. Сначала я не поняла. Словно он сказал это на неизвестном языке. — Что? — Я сказал, у меня будет ребенок. И не один. Близнецы. — У у тебя? — мой голос, хриплый и дрожащий, словно принадлежал кому-то другому. — Не у нас? У тебя есть... любовница? Муж наконец поднял на меня глаза. В них не было ни капли смущения. Лишь холодная, отстраненная ясность. — Лика уже на сносях. Но не переживай, — он произнес это с такой леденящей душу искренностью, что меня затрясло мелкой дрожью. — Степа наш первенец, любимый сын. А ты ты всегда будешь с нами, считай, что это будут как твои внуки, будем вместе их растить! Я развелась. Оборвала все связи. Но через два года случайно встречаю бывшего мужа. И с гордостью говорю ему: — Дочь не твоя, не надейся, я тоже изменила тебе сразу после развода! Но есть одно НО...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	9
Глава 4	11
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Инна Вронская

После Брака. Искупить Грехи

Глава 1

Мир сузился до размеров машины, застрявшей в вечерней пробке. Бампер к бамперу. Как наша жизнь — день за днем, одно и то же. Я смотрела на красные огни стоп-сигналов, чувствуя, как тяжесть рабочего дня давит на виски. Десять часов на ногах, улыбки начальству, цифры, цифры. А в голове — белый шум усталости.

Заехала в магазин. На автопилоте. Пельмени для Стёпы, он их обожает. Дорогой соус к пасте для Льва. Маленькие вехи семейного счастья. Глупые, наивные маячки, которые, как мне казалось, освещают наш общий путь.

Ключ повернулся в замке с тихим щелчком. Порог квартиры был магической чертой, за которой я позволяла себе скинуть доспехи деловой женщины и стать просто... женой. Матерью. Анфисой.

— Я дома! — голос прозвучал сипло, выдохшись в московских пробках.

Из гостиной доносились звуки стрельжки Стёпы. Лев сидел за столом, уткнувшись в планшет. Он не поднял головы. Ни «как ты?», ни «устала?». Ничего. Гулкая тишина, которую я по привычке списала на его усталость. Мы все устаем. Мир сейчас бежит быстрее нас.

Я повесила пальто, засунула пакеты в холодильник и, не присев ни на секунду, начала готовить ужин. Руки сами помнили движения. Очистить, нарезать, посолить. Автоматизм вымученного годами ритуала.

— Мам, привет, — мелькнула в дверях фигура сына. — Я есть хочу!

— Сейчас, солнышко, скоро.

Я украдкой взглянула на Льва. Он был спокоен. Слишком спокоен. Как гладь озера перед бурей. Но я отогнала от себя эту мысль. Паранойя. Усталость.

Накормила их. Села сама. Еда казалась безвкусной, жевалась с трудом. Я смотрела на Льва, на его ухоженные руки, аккуратно накручивающие пасту на вилку, и думала о завтрашнем дне: забрать костюмы из химчистки, оплатить счета, заставить Стёпу убрать в комнате. Рутинa. Мой крест и моя крепость.

И в этот самый момент он разрушил ее. Одним предложением. Спокойно. Будто сообщал, что завтра будет дождь.

— Кстати, Анфиса, — Лев отпил воды. — У меня будет еще ребенок.

Сначала я не поняла. Словно он сказал это на неизвестном языке. Мозг отказывался расшифровывать.

— Что?

— Я сказал, у меня будет ребенок. От Лики. Она ждет. И не одного, близнецы.

Звон в ушах. Комната поплыла, заплесала перед глазами. Пол ушел из-под ног. Я судорожно вцепилась в край стола, боясь рухнуть. Это был не разговор. Это был нож, воткнутый между ребер.

— У... у тебя? — мой голос, хриплый и дрожащий, словно принадлежал кому-то другому. — Не у нас? У тебя есть... любовница?

Последнее слово повисло в воздухе окровавленным ключьями. Унизительное, гадкое слово. Сердце колотилось где-то в горле, бешено, болезненно.

Лев наконец поднял на меня глаза. В них не было ни капли смущения. Лишь холодная, отстраненная ясность.

— Да, Лика. Она скоро родит. Но не переживай, — он произнес это с такой леденящей душу искренностью, что меня затрясло мелкой дрожью. — Наш Стёпа всегда будет моим первенцем. А ты... ты всегда будешь с нами, считай, что это буду как твои внуки, будем вместе их растить!

Любовь. Он посмел произнести это слово. Здесь. Сейчас. Сидя за столом, который я мыла тысячу раз. В доме, который я превращала в уютное гнездо. Пока я строила нашу общую жизнь, он строил параллельную. С другой женщиной. Другими детьми. Осознание накатило волной тошноты. Я сглотнула ком в горле, чувствуя, как во рту пересыхает.

Я молчала. Просто смотрела на него, и что-то во мне — хрупкое, нежное, что я годами лелеяла, — с треском разбивалось. Я слышала этот хруст. Будто лёд на реке.

— Я поняла, — наконец выдавила я. Голос был тихим, но в нем дрожала сталь. — Уходи. Собирай вещи и уходи. Сейчас же.

Лев фыркнул, отодвинув тарелку с таким видом, будто я предложила ему нечто абсурдное.

— Не будь драматичной, Анфиса. Прекрати этот фарс. Из-за какой-то ерунды? Так живут миллионы семей! Я же не отказываюсь от вас, не бросаю! Я буду помогать, обеспечивать! У тебя ведь все есть!

— У меня БЫЛ муж! — мой голос сорвался на крик, и где-то в коридоре замер Стёпа. — А теперь у меня его НЕТ! Уходи. Прямо сейчас. К своей Лике. К матери твоих будущих детей!

Я вскочила, и стул с грохотом упал на пол. Меня вело, я шаталась, но ноги несли меня в спальню. Я не стала брать его дорогой чемодан. Вместо этого я схватила его спортивную сумку, ту самую, с которой он ходил в тренажерный зал, пока я ночами сидела с температурающим Стёпой. И начала совать туда его вещи. Рубашки. Носки. Дорогие часы. Дорогой парфюм. Я бросала все это внутрь с силой, с ненавистью, с отвращением. Каждый предмет был свидетельством его лжи.

— Мам, пап, что вы делаете? — в дверях стоял Стёпа. Его глаза, широкие от ужаса, были полны слез.

— Твой отец уходит от нас, — сказала я, не глядя на сына. Голос снова стал плоским, выжженным.

— Папа?..

Лев ничего не ответил сыну. Он молча наблюдал, как я уничтожаю нашу общую жизнь, упаковывая ее в его дурацкую сумку. Потом резко выхватил ее из моих рук.

— Хорошо. Как скажешь. Надейся только, что не пожалеешь.

Он развернулся и пошел к выходу. Его шаги гулко отдавались в прихожей. Я стояла, прислонившись к косяку, и не могла пошевелиться. Дверь открылась и закрылась. Тихий щелчок замка прозвучал громче любого хлопка. Выстрел, после которого начался отсчет нового времени. Времени без него.

Я медленно обернулась. Стёпа плакал, уткнувшись лицом в стену. На столе стояла его нетронутая тарелка. Половинка недоеденного хлеба. Пустой стул.

Он ушел. Просто взял и ушел. Оставив мне грязную посуду в раковине, гору невымытых носков сына в комнате и оглушающую тишину, в которой пульсировала лишь одна фраза, разрывая мозг на части: «У меня будет еще ребенок... У меня будет еще ребенок...»

Я опустилась на пол прямо в прихожей, спина с грохотом ударилась о стену. Слез не было. Была только всепоглощающая, чёрная пустота. И тихий, предательский шепот: «Как же теперь жить?»

Глава 2

Тишина после его ухода была оглушающей. Она висела в воздухе тяжелым свинцовым покрывалом, давя на виски, заполняя легкие. Я сидела на холодном кафельном полу прихожей, не чувствуя ни тела, ни времени. Он ушел. Просто взял и ушел. Как будто выносил мусор, а не бросал семью. Внутри была лишь черная, бездонная пустота, в которой плавали обрывки фраз: "Лица... близнецы... первая любовь..." Цинизм этих слов вызывал тошноту.

Из комнаты сына донеслись сдавленные, горькие рыдания. Каждый всхлип отзывался во мне острой, физической болью. Мой мальчик. Мой Степа. Как же ему больно. Материнский инстинкт, сильнее отчаяния, заставил меня подняться. Ноги были ватными, подкашивались. Я поплелась к его комнате, держась за стену.

Дверь была приоткрыта. Он лежал лицом в подушку, его плечи мелко вздрагивали.

— Сынок... — мой голос прозвучал хрипло, чужим. — Степа...

Он резко перевернулся. Его лицо, красное, испачканное слезами, исказилось от гнева и боли.

— Довольна? — выкрикнул он, и его голос сорвался на высокой ноте. — Выгнала его! Выгнала папу! Теперь мы одни!

— Степа, пойми... — я попыталась сделать шаг вперед, но он отпрянул, как от чумной. — Он нам изменил. У него другая женщина. Она ждет от него детей.

— Врешь! — он почти закричал, вскочив с кровати. Глаза его блестели лихорадочным блеском. — Папа не мог так! Он бы мне сказал! Он мне всегда все рассказывал!

— Он сказал, — тихо, но четко произнесла я. — Прямо за этим столом. Полчаса назад. Спроси у него сам, если не веришь.

— А ты что, святая? — его голос дрожал от ярости. — Ты думаешь, я не видел? Ты вечно на него пилила! «Деньги, работа, дома не бываете! Опоздал! Не купил! Не помог!» Ты его достала! Он от тебя сбежал! Я бы тоже сбежал!

Каждое слово било точно в цель, в самое незащищенное. Неужели это правда так выглядело? Неужели я превратилась в эту вечно недовольную мегере?

— Я не пилила, я... пыталась до него достучаться, — голос мой предательски дрогнул. — Нам нужен был отец, муж... а не добытчик, который появляется только переночевать.

— Нужен был? — он фыркнул, и в этом звуке было столько презрения, что мне стало физически холодно. — А кто платил за эту квартиру? За мою крутую школу? За твою машину? За эти дурацкие курсы, которые ты бросила? Он! А ты что? Ты только ныла! Вечно уставшая, вечно недовольная!

— Я работаю, Степа! — не выдержала я. — Я тоже устаю! Я пыталась сохранить нашу семью, сделать ее настоящей!

— Какую семью? — он горько рассмеялся, и этот смех резанул по сердцу. — Семья — это когда все вместе. А у нас что? Ты на кухне с своими счетами и вечными проблемами, он в кабинете, я тут один! Он хоть заходил, интересовался, как дела! А ты? Ты только запрещала! Не сиди за компьютером, уроки делай, носки убери, помой посуду! Ты как надзиратель!

— Это называется воспитанием! — голос мой сорвался, в глазах потемнело от обиды и бессилия. — Я пыталась вырастить из тебя человека, а не избалованного потребителя! Чтобы ты мог сам за себя отвечать!

— Вырастить? — он покачал головой, смотря на меня с жалостью, которая была страшнее ненависти. — Ты меня в клетке держала! В тюрьме из вечных «нельзя»! А папа... папа меня выпускал. Он мне доверял! Он возил меня на рыбалку, в клубы, покупал то, что я хочу! Он со мной как с другом был! А ты... ты как тюремщик!

Мне хотелось закричать, что это неправда. Что все эти запреты — от бесконечной любви и страха за него. Что я боялась каждого его шага во внешний мир. Но слова застревали в горле, тону в горечи. А что, если он прав? Что, если в борьбе за его безопасность и правильность, я растеряла все его доверие?

— Он купил тебе ту приставку, которую я не разрешала, да? — тихо, почти шепотом спросила я. — И новый айфон. И обещал не говорить мне.

Степа смущенно потупился, покраснел, и это было красноречивее любых слов. Ответом, который добил меня окончательно. Лев не просто ушел. Он заранее, методично, превращал меня в злую мачеху в глазах собственного сына. Покупал его любовь, пока я пыталась ее заслужить.

— Он предал нас, Степа, — прошептала я, чувствуя, как слезы подступают. — И он использует тебя, чтобы сделать мне еще больнее.

— Не трогай папу! — он снова взорвался, его лицо исказилось гримасой ярости. — Не смей его трогать! Это ты все испортила! Это ты его довела! Я бы с ним ушел! Сейчас же! Я ненавижу тебя!

Он выкрикнул это с такой силой, с такой искренней, детской, беспощадной ненавистью, что я физически почувствовала, как что-то рвется у меня внутри. Сердце? Душа? Не знаю. Знаю только, что в тот момент я потеряла не только мужа. Я потеряла сына.

Я не нашла, что ответить. Просто развернулась и вышла, тихо прикрыв за собой дверь. Оперлась лбом о прохладную стену в коридоре, зажмурилась, пытаясь унять дикую дрожь, пробивавшую все тело.

Через несколько минут его дверь с скрипом открылась.

— А что... что теперь будет? — его голос дрожал, детский страх наконец пробился сквозь завесу гнева. — Он... он будет приходить?

— Не знаю, сынок, — честно ответила я. — Не знаю.

— А деньги? — его вопрос прозвучал по-взрослому практично и оттого особенно жутко. — Как мы будем жить? На что?

— Как-нибудь, — выдохнула я, чувствуя тяжесть этого «как-нибудь» на своих плечах. — Я справлюсь. Я всегда справлялась.

— Одна? — в его голосе прозвучало недоверие. — Без папы?

В его глазах, полных слез, читался ужас перед неизвестностью. И снова — та же немой вопрос: "И это все из-за тебя?"

— Да, Степа, — тихо сказала я, глядя прямо на него. — Одна.

Он что-то пробормотал себе под нос, снова захлопнул дверь, на этот раз на ключ. Щелчок прозвучал оглушительно громко в тишине квартиры. Как приговор. Как конец.

Я осталась одна в темноте коридора. Разбитая. Униженная. Облитая грязью и ненавистью собственного ребенка. С тяжелым, ледяным чувством, что я не просто потеряла мужа. Я проиграла войну за сердце своего сына. И теперь мне предстоит выживать в одиночку на руинах собственной жизни.

Глава 3

Два дня. Я существовала в каком-то полусне, двигаясь по квартире как тень. Работа, магазин, уборка — все делалось на автомате, сквозь плотную пелену горя и неверия. Каждый звук за дверью заставлял сердце бешено колотиться — а вдруг он? Вдруг это Лев, который одумался, вернулся, и все это оказалось страшным сном?

В пятницу я задержалась в офисе допоздна. Не из-за работы. Просто боялась возвращаться в пустую, наполненную призраками прошлого квартиру. Когда ключ наконец повернулся в замке, я почувствовала ледяную тяжесть на душе. Еще одна ночь в одиночестве. Еще один день, когда сын смотрит на меня как на чужую.

Но когда дверь открылась, дыхание перехватило.

В прихожей стояли они. Лев, опершись о косяк, с тем же холодным, отстраненным выражением лица. И Степа. Рядом с ним стоял тот самый дорогой спортивный рюкзак, который Лев купил ему в прошлом месяце, и еще одна сумка. Лицо сына было бледным, решительным, он не смотрел на меня.

— Что... что происходит? — выдавила я, чувствуя, как ноги подкашиваются.

Степа сделал шаг вперед. Его пальцы сжимали ремень рюкзака так, что костяшки побелели.

— Я уйду к папе, — сказал он, и слова прозвучали как приговор. Четко, холодно, без колебаний. — Буду жить с ним.

Мир сузился до размеров прихожей, залитой желтым светом люстры. Звук уличного трафика за окном исчез. В ушах зазвенело.

— Что? — прошептала я. — Степа, сынок... что ты говоришь?

— Говорю, что уйду к отцу, — повторил он, и в его голосе прозвучали нотки раздражения. — Ты же слышала.

Я перевела взгляд на Льва. Он смотрел на меня с каким-то странным, почти научным интересом, словно наблюдал за экспериментом.

— Лев... — голос мой сломался. — Что ты делаешь? Это мой сын! Наш сын!

— Он принял решение, Анфиса, он совершеннолетний — равнодушно ответил он. — Я не могу ему запретить.

— Решение? Ему восемнадцать только только исполнилось! Какие решения! — я почти кричала, паника сжимала горло. — Ты настроил его против меня! Купил его! Он ребенок!

— Я не ребенок! — вспыхнул Степа. — Я уже все понял! С папой у меня будет нормальная жизнь! Без твоих вечных упреков и слез! Без этой вечной бедности и тоски!

— Какая бедность? — я задохнулась от обиды. — У нас все есть! У тебя есть все!

— У меня нет отца! — крикнул он в ответ. — А теперь будет! Настоящего, а не того, кого ты выгнала!

Я схватилась за последнюю соломинку, повернувшись к Льву. Слезы текли по лицу, но я уже не обращала на них внимания.

— Лев, прошу тебя... Остановись. Не делай этого. Зачем он тебе? У тебя же скоро будет новая семья! Другие дети! Оставь мне моего сына! Он все, что у меня есть!

Я молила. Унижалась. Готова была упасть на колени. Но его лицо оставалось каменным.

— Он мой сын не в меньшей степени, Анфиса. И он сам сделал выбор.

— Это не выбор! Это манипуляция! Ты украл у меня ребенка!

Степа надвинул капюшон на голову, взял сумку.

— Я все сказал. Пошли, пап.

Лев молча кивнул, открыл дверь. Степа вышел в подъезд, не оглянувшись. Ни разу.

— Степа! Сынок! Вернись! — бросилась я к двери, но Лев преградил путь.

— Оставь, Анфиса. Не усугубляй.

— Лев, умоляю... — я схватила его за рукав, но он отстранился с таким отвращением, будто я была прокаженной. — Не забирай его...

— Решение принято.

Он вышел. Дверь захлопнулась. Глухой, окончательный звук, от которого содрогнулись стены.

Я осталась одна в тишине прихожей. Руки тряслись. Дыхание перехватывало. В ушах стоял оглушительный гул. «Уходит к папе. Буду жить с ним». Эти слова бились в висках, как молотки.

Потом волна тошноты подкатила с такой силой, что я едва успела добежать до ванной. Рухнула на колени перед унитазом, и все, что было внутри, вырвалось наружу. Слезы, желчь, отчаяние. Давилась и плакала, плакала и давилась, пока не осталась пустая, измученная дрожь.

С трудом поднялась, оперлась о раковину. В зеркале на меня смотрело бледное, опухшее от слез лицо с безумными глазами. Я с силой повернула кран, плеснула ледяной воды в лицо. Еще. И еще. Но она не смывала ни боли, ни ощущения кошмарной реальности.

«Стресс, — попыталась убедить себя я, глядя на свое отражение. — Просто стресс. От нервов тошнит. Все на нервной почве».

Но где-то в глубине, под слоем шока и отчаяния, шевельнулась крошечная, едва заметная мысль...

Глава 4

Два года.

Они пролетели, как один долгий, серый, бесконечно трудный день. Тысяча девяносто пять раз я просыпалась с мыслью, что все это сон. И тысяча девяносто пять раз реальность больно била меня по лицу: пустая половина кровати, одинокая кружка на столе, тишина, которую не заполнял даже смех моего сына.

Через месяц после того, как мой мир рухнул, я поняла. Предательская тошнота, пекущая изжога и свинцовое бессилие, которое валило с ног к семи вечера. Тест. Две полоски. Я сидела на холодном кафеле ванной и смотрела на них, не чувствуя ничего, кроме ледяного ужаса. Ребенок. Подарок от человека, который выбросил меня, как надоевшую игрушку. Я не сказала Льву. Ни слова. Эта тайна, этот ребенок — были моим крестом и моим спасением. Я назвала ее Евой. Мой тихий, светлый ангел во плоти, мое единственное оправдание тому, что я продолжала дышать.

Через три месяца нас с Львом официально развели. Быстро, без хлопот и дележки имущества. Все добрачное осталось со мной. А в браке оказывается я не заработала ничего.

С работой бухгалтера пришлось завязать. Не смогла. Роды, колики, бессонные ночи... Я едва справлялась с бытом, не то что с отчетами. Мы существовали на мои скромные декретные и случайные подработки — переводила тексты, вела группы в соцсетях, пока дочка спала. Денег вечно не хватало. Пачка подгузников или оплата ЖКХ? Новый развивающий коврик или долги по ипотеке? Я училась считать каждую копейку, отказывая себе во всем. Даже в праве на усталость.

Степа появлялся изредка. Как призрак из прошлой, роскошной жизни. Приезжал на такси, оплаченном отцом, в кроссовках за ползарплаты и с новейшим айфоном в руках. Он был холоден, как айсберг. Сидел на краешке дивана, отводил глаза.

— Сынок, как ты? — пыталась я достучаться, подавая его когда-то обожаемые сырники.

— Нормально, — отрубал он, утыкаясь в экран.

— В техникуме как? Друзья новые?

— Все ок.

Однажды, когда Еве было месяцев восемь, и она, сидя у меня на руках, пыталась лопочущими звуками назвать брата, он не выдержал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.